

вать, что в 90-е годы были на лицо процессы социальной деградации общества, существенно ограничившие возможности человеческого развития.

Примечания

1. Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации. М.: «Анкил», 2009.
2. Переход к рынку: концепция и программа. М.: Министерство печати массовой информации РСФСР, 1990.
3. Грошев И., Юрьев В. Экономические преобразования и ментальность россиян: есть ли взаимодействие? // Общество и экономика. 2005. № 11-12, С.192-221.
4. Петросян Д. Экономическая эффективность и социальная справедливость // Общество и экономика 2006. №11-12, С.37-47.
5. Методические рекомендации по расчётам минимального бюджета, а также уровней прожиточного (физиологического) минимума по республикам в составе Российской Федерации, краям и областям, автономной области, автономным округам, гг. Москва и Санкт-Петербург. М., 1992.
6. Муздыбаев К. Экономическая депривация, стратегия её преодоления и поиск социальной поддержки. СПб.: СПб. Филиал Института социологии РАН, 1997.
7. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник / Госкомстат России. М., 1994–2000.
8. ПРООН, 1999. Доклад о развитии человека за 1999 год. Нью-Йорк: Оксфорд Юниверсити пресс.
9. Ярыгина Т.В. Бедность в богатой России // Общественные науки и современность. 1994. №2.

Е. Т. Артемов

Социалистическая модернизация: идея и реальность

Крушение советской системы и распад Советского Союза буквально потрясли весь мир. В объяснении этих событий доминируют два подхода. Сторонники первой точки зрения главную причину коллапса советской системы видят в ее экономической несостоятельности. Утверждается, что всеобщее огосударствление собственности и насильственное подавление рыночных отношений создают непреодолимое препятствие для определения общественных потребностей, дезорганизуют производство, блокирует инновационные процессы [1, с. 153-154]. Следовательно, в отношении советской экономической системы вопрос всегда «стоял лишь о том, когда и как она рухнет» [2, с. 19]. Естественно, та же участь изначально ожидала СССР. А если это не произошло гораздо раньше, то дело здесь в жесткости режима, богатстве страны, многочисленности ее политически индифферентного населения, «пособничестве» западных политиков, интеллектуалов, де-

ловых кругов, заигрывавших с советским режимом в своих корыстных интересах [3, с. 36].

Другое объяснение крушения советской системы в основном сводится к неразумной политике и действию геополитических противников России по активизации деструктивных процессов. Считается, что этот субъективный фактор со всей полнотой проявился в годы «перестройки». «Зашоренная старыми догмами» и «засоренная лицемерами и предателями» она закономерно привела к развалу советской экономики и распаду динамично развивающейся страны [4, с. 347]. Иначе говоря главная ответственность за крушение великой державы возлагается на «агентов влияния», проникших во властные структуры, и на недальновидных политиков.

Здесь, однако, возникает вопрос, можно ли считать общественную систему устойчивой, если она создает условия для массового продвижения в высшие эшелоны своего руководства людей, либо некомпетентных, либо сознательно ориентированных на ее развал. Не более убедительно выглядит концепция изначальной нежизнеспособности советского строя. Действительно, если социалистический способ производства не эффективен по определению, то как СССР удалось стать мировой экономической, научно-технической и военно-политической сверхдержавой? Почему в свое время многие западные политики и аналитики считали, что во «всемирно-историческом споре» с Соединенными Штатами именно он выйдет победителем? Поэтому трагический финал «социалистического эксперимента» еще не означает, что Россия «потеряла» XX столетие в погоне за утопией или в результате происков внутренних и внешних «врагов». По крайней мере, чтобы так утверждать, нужно оценить, как вписывалось ее развитие в мировую динамику, какое место занимал «социалистический проект» модернизации страны.

Прежде всего, нужно отметить, что ключевой проблемой, которую Россия решала в прошлом веке, являлось ее экономическое и институциональное отставание от западных стран. Впервые правящая элита ощутила это еще в конце XVII в. Осознание отсталости явилось побудительным мотивом для масштабных преобразований, инициатором которых выступила власть. В результате заметно повысилась устойчивость социальной организации и координации, а страна добилась статуса империи и заняла место в числе мировых держав.

Но существовала и оборотная сторона преобразований. По существу они были направлены на укрепление базовых, структурообразующих оснований российской государственности, которые как раз и ограничивали динамизм развития общества [5, с. 11-18; 6, с. 53-66]. В то же время, начиная с рубежа XVIII-XIX вв., страны Западной Европы и Северной Америки последовательно вошли в полосу т.н. «современного экономического роста». Производство подушевого продукта стало увеличиваться в них устойчивы-

ми темпами. Одновременно в общественной жизни происходили глубокие социальные и духовные изменения, которые в свою очередь стимулировали повышению эффективности экономики. В России же подобные процессы развернулись на два-три поколения позже. Подобное запаздывание, естественно, обернулось для нее новым витком отставания от «продвинутых» стран [7, с. 21, 278-281]. Так оценивали ситуацию практически все: от радикалов из революционно-демократического лагеря до представителей и защитников правящего режима. В обществе сложился своеобразный консенсус о необходимости перемен. Правда, по вопросу как это сделать, что считать первоочередным – согласия не было. Бюрократия ориентировалась на внедрение западных технологий и принципов организации экономики. Оппозиционная интеллигенция считала, что для их адекватного восприятия сначала нужно трансформировать (любо эволюционным, либо революционным путем) систему социально-институциональных отношений [8, с. 347-348].

Реализованная правительством политика «капиталистической индустриализации» позволила уже к началу XX в. сделать важный шаг в экономическом развитии. В стране появилась крупная, вполне современная промышленность. Благодаря активному железнодорожному строительству упрочилось межрегиональное хозяйственное взаимодействие. Позитивные сдвиги углубились в ходе нового витка экономического подъема, имевшего место накануне Первой мировой войны [9]. Экономический прогресс в сочетании с активным формированием институтов гражданского общества, ростом индивидуального и группового самосознания создавал видимость скорого превращения России в «передовую» страну, мало чем отличающуюся от ее западноевропейских соседей.

Но такое впечатление было обманчиво. Вопреки ожиданиям, стремительная индустриализация принципиально не изменила позиций России в мировом геэкономическом и геополитическом раскладе сил. Сохранилась ее технико-технологическая зависимость от западных стран. В системе международного разделения труда страна по-прежнему выполняла функции поставщика сырья. Не лучше обстояло дело в военно-политической сфере. Экономическая зависимость России предопределяла ее относительную слабость как ведущего игрока на европейской и мировой арене. Разочаровывающе выглядели и социально-политические последствия реформирования экономики. Надежды правящих кругов, что следование западным образцам в организации материальной жизни, подстегивание экономического роста автоматически решит накопившиеся в обществе проблемы – оказались весьма далеки от реальности. Это дискредитировало проводимую политику модернизации и ее главного субъекта в лице государства. Начавшаяся Мировая война сделала процесс радикализации общественных настроений необратимым. Неудачи на фронте, тяготы и невзгоды повсе-

дневной жизни в массовом сознании оказались связаны с правящим режимом. Он потерял всякую поддержку и был сметен волной повсеместного недовольства.

Сложившейся ситуацией воспользовалось наиболее радикальное крыло социалистического движения в лице большевиков. Как «правоверные» марксисты они считали, что капитализм уже изжил себя. Порожденное им противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов труда превратилось в главный тормоз социального прогресса. Следовательно, переход к социализму в глобальном масштабе стал насущной задачей. Согласно теории, он должен был произойти в результате мировой революции. Начавшись в наиболее слабом звене капиталистической системы, каковым объявлялась Россия, она распространится на другие страны. В свою очередь «всемирно-историческая победа» коммунизма, помощь со стороны социалистической Европы, гарантируют России преодоление «вековечной отсталости».

Но одно дело разделять и развивать идеи, выросшие на иной национально-исторической почве, и другое – выстроить после захвата власти работоспособную стратегию практических действий. Для этого нужно было совместить теоретические представления с жизненными реалиями, идеалы социализма с интересами российской государственности, намечаемые социальные новации с традиционными общественными институтами, желаемые перспективы экономического развития со стартовыми условиями и т.д. К тому же, все предсказания о неизбежности мировой революции «повисли в воздухе». Страна оказалась в «капиталистическом окружении», один на один со своими проблемами. Поиски выхода из сложившейся ситуации сопровождалась острейшими политико-идеологическими столкновениями различных фракций внутри самих большевиков. На это ушло более десяти лет. В конечном счете, победила линия на «строительство социализма в одной стране». Ее объявление «генеральной» означало пересмотр базовых установок марксистской теории. Они трансформировались в стратегию ускоренного развития и наращивания мощи российской государственности. Это определило две принципиальные особенности советской модели развития. Во-первых, безусловный приоритет отдавался укреплению «социалистического государства», укреплению его экономического и военно-политического могущества. Во-вторых, в соответствии с марксистской традицией и мировым теоретическим мейнстримом считалось, что частная собственность и «анархия» рынка не могут обеспечивать достижения искомой цели. Поэтому ставку сделали на обобществление средств производства, централизацию управления и плановое руководство социально-экономическими процессами. Названная стратегия выкристаллизовалась в ходе т.н. сталинского «Великого перелома». Она хорошо согласовывалась с глобальной экономической ситуацией.

Бушевавшая в то время на Западе Великая депрессия казалось полностью подтверждала идеи классиков марксизма об исчерпании капитализмом потенциала своего развития. Отсюда легко делался вывод, что только использование социалистических принципов организации производства и общества открывают дорогу к экономическому прогрессу. Однако положения классического марксизма применялись «творчески», так, чтобы они могли работать на достижение реальных, а не декларируемых целей. Отсюда сохранение элементов товарно-денежных отношений, допущение частного мелко-товарного производства, отказ от уравнительности в распределении [10].

Социалистическая риторика не мешала большевикам использовать подходы, находившиеся в арсенале «капиталистических» модернизаторов. И те, и другие ставили знак равенства между форсированным наращиванием индустриального потенциала и коренными интересами страны. Последние отождествлялись с укреплением ее военно-политических возможностей и упрочением существующего строя. И в имперской, и в советской моделях модернизации ведущая роль отводилась государству. Хотя, конечно, большевистский режим пошел здесь гораздо дальше своего предшественника. Государство стало не просто заглавным, а чуть ли не единственным субъектом хозяйственной деятельности, вытеснило или подчинило все элементы гражданского общества. Определенное сходство наблюдалось и в выборе приоритетов экономического развития. Многие хозяйственные проекты, задуманные до революции, были реализованы в советское время. Можно также увидеть преемственность в «увлечении» административными методами регулирования социальных процессов, в отношении к уровню жизни населения как к чему-то второстепенному и т.д.

В этом нет ничего удивительного. В российском обществе, как, впрочем, и в любом другом, «правила игры» во многом определяются традициями социально-институциональной организации, особенностями национального самосознания. А они мало меняются во времени. Сказанное, однако, не означает абсолютной статичности сущностных характеристик отдельных обществ. Время от времени они переживают трансформации, порождающие новые формы социальной организации и координации. Одновременно происходит «естественный отбор» и модификация базовых отношений, обычаев, моральных и правовых норм. Многие из них наполняются иным содержанием. В результате возникает новое видение «извечных» проблем, используются новые способы их решения. Поэтому конкретные черты советского варианта модернизации коренятся не столько в прошлом России, сколько в советской модели устройства общества. Последняя представляла собой целостное образование. Важную роль в его формировании сыграло экономическое и культурное наследие прежнего режима. Но весомый вклад внесли и другие факторы: от доминирующих в интеллектуальном пространстве идей до личных качеств революционных вождей и поли-

тической обстановки в мире. В совокупности они сформировали «генетический код» советской системы, который и задавал вектор ее последующего развития. Другими словами, преемственность между имперской и советской Россией носила причинно-следственный характер. Первая, в силу сложившихся обстоятельств, прежде всего внутреннего порядка, породила вторую, обладавшую собственной логикой развития. Ее философия отличалась явной оригинальностью. Желаемое будущее в ней виделось совсем иначе, чем это представляли себе дореволюционные модернизаторы.

Последние в качестве эталона, к которому нужно стремиться, брали современное им западное общество. Свою конечную цель они видели в создании подобного общества в России. Отсюда их представления об идеальной конструкции будущего общественного устройства с такими его неизменными атрибутами как частная собственность и частное предпринимательство, рыночная координация деятельности хозяйственных единиц, развитие элементов гражданского общества, относительный идеологический плюрализм, конституционная организация власти. И это были не только устремления отдельных личностей, но и императивы имперской модели модернизации. Именно они задавали направления практических действий. Однако многие преобразования, основанные на зарубежном опыте, плохо сопрягались с российской действительностью. Тем не менее, модернизаторы продолжали верить: если обществу привить культурные ценности, формы социально-политической организации и институты, заимствованные у «передовых наций», то «безоблачное будущее» стране гарантировано.

Совсем другие пути и способы развития предложила советская модель модернизации. Ее истоки также берут начало в западном политико-идеологическом наследии. Но, в конечном итоге, сформированные в его рамках положения и подходы были адаптированы к российским реалиям. В результате безусловным императивом развития стало создание нового общественного устройства, более эффективного и справедливого, чем в западных странах. Отсюда лозунг не только «догнать», но и «перегнать» своих «исторических оппонентов». Подразумевалось, что другие народы, вдохновленные выдающимися успехами «первой страны социализма» пойдут проторенной ею дорогой. Иначе говоря, уже не Россия будет копировать чужие образцы. Теперь все должны учиться у Советского Союза делу строительства будущего. В это верили не только лидеры и большинство населения страны, но и многие западные интеллектуалы. Подобные взгляды разделяли «широкие массы» практически повсюду в мире. Со временем, когда начальный импульс ослаб, а советское общество утратило динамизм, его опыт потерял былую притягательность. Но до последних дней советские лидеры утверждали, что будущее за отстаиваемым ими вариантом развития, который отождествлялся со строительством коммунизма. В теории он рассматривался как строй, основанный на общественной собственности

и общественном самоуправлении, создающий все условия для поступательного экономического прогресса, обеспечивающий полное благосостояние и свободное развитие каждому.

Считалось, что советская система изначально имела все необходимое и достаточное, чтобы реализовать эти привлекательные принципы. Однако на деле ее отличительными чертами стали жесткая централизация социального управления, ограничение индивидуальной и групповой самоорганизации, отождествление общественной собственности с государственной, тотальное ограничение рыночных механизмов координации, ставка на преимущественно внеэкономические методы мотивации производственной деятельности и идеологическая унификация. И они задавались отнюдь не идеологическими предпочтениями и теоретическими построениями. Последние, конечно, играли свою роль в обосновании стратегического курса, в выборе средств его реализации, объяснении необходимости пересмотра и уточнения отдельных приоритетов. Однако исходным пунктом советской системы являлась конфигурация власти [11, с. 401]. Именно она определяла цели и направления развития страны. Но действия правящего режима вряд ли можно объяснить лишь эгоистическими интересами «номенклатуры». В соответствии с российскими традициями свою главную задачу он видел в укреплении и наращивании мощи советского государства как гаранта национальной безопасности. Остальным аспектам развития внимание уделялось по «остаточному» принципу. И это находило понимание в общественном сознании до тех пор, пока власть справлялась с решением своей сверхзадачи.

Если же говорить о результативности советской модели экономического развития, то трудно сделать однозначные выводы. В литературе имеются весьма различающиеся оценки. Это объясняется разницей в методологических подходах и методиках исследования, несовпадением мировоззренческих и политических предпочтений авторов. Ситуацию усугубляет расхождение данных официальной статистики и альтернативных расчетов. Это позволяет обосновывать любые выводы. С одной стороны утверждается, что экономика на протяжении всего советского периода развивалась высокими, устойчивыми темпами, это позволило, в частности, нарастить промышленное производство чуть ли не в сто раз. С другой стороны – подобные цифры квалифицируются как фантастические, а масштаб роста по крайней мере на порядок ниже. Думается однако, что результаты последних исследовательских проектов позволяют внести ясность в эту полемику. Полученные цифры не всегда совпадают. Но наблюдающиеся различия не имеют принципиального значения. Особенно показательны данные об экономической динамике России на фоне мирового развития [12, 13, 14]. Как правило, в качестве главного показателя берется производство ВВП на душу населения, рассчитанное в постоянных ценах по паритету покупа-

тельной способности. В 1913 г. оно в России (в современных границах) составляло где-то 30 % от уровня США, страны-лидера экономического роста в XX столетии. В результате Первой мировой войны и последовавших революционных потрясений, имевшийся разрыв заметно увеличился. Однако в 1930–1950-е гг., наблюдалась прямо противоположная динамика: этот показатель вырос с 20–25 % до 45–50 %. Такое соотношение с небольшими вариациями сохранялось до второй половины 1970-х гг. Затем отставание стало нарастать. И это происходило в то время, когда практически все развитые страны, не говоря уже о ряде развивающихся государств, сокращали свое отставание от Соединенных Штатов. К концу советской эпохи подушевое производство ВВП было в России уже в пределах 40 % от уровня США. В течении 1990-х гг. оно уменьшилось до 20 % и сегодня составляет те же 30 %, что и перед началом Первой мировой войны.

Еще более показательны данные о доле России в мировом ВВП. Она достигла пика в 1960 г., составляя без малого 9 %. А в 1980 г. этот показатель был как и в 1913 г. равен 6,8 %. Иначе говоря, в 1960-е гг. произошел перелом в экономическом развитии страны: восходящая линия сменилась на нисходящую. Если использовать терминологию, предложенную У. Ростоу, [15] то 1930–1950-е гг. можно назвать периодом «взлета» советской индустриальной системы. Затем наступила эпоха «усталости», сопровождавшаяся лишь «слабыми попытками подъема и обновления». В результате XX столетие оказалось для России временем несбывшихся ожиданий.

Перспективы также выглядят весьма скромно. По умеренно оптимистическому сценарию Россия в ближайшие два-три десятилетия должна сократить свое отставание от лидеров экономического роста до одного поколения (25–30 лет). В таком случае она выйдет на уровень середины 1960-х гг. Однако это будет более низкий показатель, если сравнить с первыми десятилетиями XIX в. [7, с.44; 16, с.77]. Отсюда можно сделать вывод об устойчивости сложной траектории экономического развития России на протяжении длительного времени. И попытка реализации социалистического проекта здесь ничего принципиально не изменила.

Примечания

1. См.: Хесус Уэрта де Сото. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., Челябинск, ИРИСЭН, Социум, 2008.

2. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2007.

3. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991.

4. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900-2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М: Наука, 2006.

- 5.См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 11-18.
6. Побережников И.В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 53-66.
- 7.Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 2-е изд. М.: Дело, 2005.
8. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2003.
9. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
10. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952
11. Корнаи. Я. Социалистическая система. Политическая экономия социализма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000.С.397-401.
12. Maddison A. The World Economy: a Millennium Perspective. Development Centre of the OECD. Paris, 2001;
13. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. / Под ред. И.С. Колева. М.: Экономистъ, 2003;
14. Мировая экономика: прогноз до 2020 года/ Под. Ред. акад. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2008 и др.
15. Rostow W. The Takeoff into Self-Sustained Growth // Social Change: Sources Patter and Consequences / Etzioni E. eds N. Y.: Basic Books, 1973. P. 285–286.
16. Попов В. Закат плановой экономики // Эксперт. 28 декабря – 18 января 2009 г. № 1. С. 77.

В.П. Тимошенко

Азиатская Россия и мировой рынок: резонанс индустриального освоения (1950 – 1980-е гг.).

Заинтересованность в расширении и углублении сотрудничества по освоению ресурсов Азиатской России в последние десятилетия советской эпохи, проявляемая западными партнерами далеко не всегда материализовывалась в конкретных программах. Большинство советских предложений не были поддержаны кредитами и торговыми сделками даже в странах, остро нуждавшихся в сырьевых материалах и продуктах их переработки, производство которых по разным причинам внутри этих стран не покрывало потребностей. Да и реализованные совместные проекты в большинстве случаев не достигли договорных масштабов.

Парадоксы во взаимоотношениях партнеров наводят на мысль о существовании барьеров и ограничителей сотрудничества. Сдерживающие факторы, видимо, стоит просмотреть специально. В их действии сыграли роль как особенности в политических взаимоотношениях Запад-Восток, так и